

Марина ГОГОЛЕВА

ОБЩИЕ МЕСТА В ОЛОНХО И АЛТАЙСКИХ СКАЗАНИЯХ Н.УЛАГАШЕВА

ИЛИН, 2013, № 1-2

Творчество алтайских кайчи и олонхосутов в аспекте их генетической общности рассматривалось в трудах многих фольклористов, но более последовательно сравнительно-сопоставительное исследование эпосов тюрко-монгольских народов и якутского олонхо было проведено крупным олонховедом И.В. Пуховым. Специальным исследованием на тему связей якутского героического эпоса-олонхо с героическим эпосом алтае-саянских народов является его труд «Героический эпос алтае-саянских народов и якутское олонхо». При сравнительном анализе исследователем учитывались особо важные элементы поэтики эпоса, как сюжетно-композиционная сторона текстов, приемы художественного изображения, значение конкретных деталей, семантика имен традиционных, наиболее устойчивых персонажей [6, с. 290]. Выявление сходений в трактовке сюжетно-композиционного строя и основных образов, а также установление сходных элементов эпической стилистики в рассматриваемых эпосах позволили И.В. Пухову прийти к закономерному выводу о наличии генетической связи якутского олонхо с эпосами алтае-саянских народов.

Исследование проблемы генезиса олонхо требует дальнейшей разработки темы как по методологии, так и в плане сравнительного изучения пока еще не рассмотренных типов текстов олонхо и алтайского эпоса. Если известные алтайские эпосы, такие как «Маадай-Кара» и «Алтай-Буучай», всегда были в поле зрения исследователей, то меньшего размера сказания, составляющие целый пласт иной художественной системы, еще не получили должного освещения в сравнительном олонховедении.

Теоретико-методологические установки, выработанные представителями отечественной фольклористики В.Я. Проп-

пом, В.М. Жирмунским, Е.М. Мелетинским, Б.Н. Путиловым, В.М. Гацаком, С.Ю. Неклюдовым, К.В. Чистовым, М.П. Хомоновым и др., позволяют нам использовать комплексный подход к осмыслению сложной проблемы генезиса олонхо. Определение общих мест при сравнительно-историческом анализе в широком смысле слова охватывает и особенности языка текстов, потому как лингвистический материал эпосов относится к достаточно информативным аспектам в силу закономерности языковых явлений, отражающих основные периоды и характерные черты процесса взаимовлияния этносов в древнем мире.

Алтайские народы – это несколько этнических групп, объединенных компактным ареалом проживания, общей культурой и языком. Несомненно, что среди этих народностей были и те, с которыми в раннюю эпоху средневековья предки якутов имели тесные контакты, возможно, существовал какой-то этнос или суперэтнос с общим языком, реликты которого сохранились в эпосах тюркоязычных народов южной Сибири.

Из всех диалектов алтайского языка наиболее близким якутскому языку, по нашим наблюдениям, является туба-диалект, носителем которого был сказитель Н. Улагашев. Репертуар кайчи (исполнителя сказаний) Н. Улагашева был весьма разнообразным и обширным, он мог исполнять-петь свыше тридцати сказаний, и это обстоятельство сближает сказителя с якутскими олонхосутами. В рассматриваемых примерах из его сказаний ниже показаны общие места в эпических традициях тубаларов и якутов, а также выявлено функциональное соответствие лексико-семантических, синтаксических единиц в сравниваемых текстах.

Какова степень близости туба-диалекта алтайского и якутского языков, и чем это можно объяснить? Обращение к классификации тюркских языков дает следующее представление.

Концепция Н.А. Баскакова отдает дань историческому под-

ходу. По классификации известного востоковеда, якутский язык относится к уйгурской группе восточнохуннской ветви тюркских языков, а северный диалект алтайского языка, к которому относится йыш-кижи (туба), – хакасской подгруппе той же уйгурской группы восточнохуннской ветви тюркских языков [2]. Это интересно, так как алтайский язык относится к киргизско-кыпчакской группе этой ветви, то есть степень различия якутского языка и туба-диалекта алтайского может быть установлена только в пределах одной и той же группы.

Однако современный исследователь Н.З. Гаджиева считает несовершенной методику соотнесения языковых фактов с историей народа, требующей тщательной проверки, и на основе известных классификаций тюркских языков, выполненных В.В. Радловым, Н.А. Баскаковым, В.А. Богородицким, Ф.Е. Коршем, А.Н. Самойловичем, С.Е. Маловым, Г. Рамstedтом и др., ею подчеркивается перспективность «параллельного изучения признаков высокой частоты в языках одной группы», где особенно внимания требует лексика, но «к сожалению, пока отсутствует классификация тюркских языков, широко учитывающая лексический признак» [3].

Небольшой исторический экскурс о происхождении тубаларов находим в диссертационном исследовании С.Б. Сарбашевой «Вокализм и консонантизм туба-диалекта алтайского языка», выполненном в 2002 году: «Носителями туба-диалекта являются представители этнической группы, населяющей Турочакский, Чойский, Майминский районы Республики Алтай. Согласно «Справке о местах компактного проживания коренных малочисленных народов Республики Алтай», составленной по заданию Правительства Республики Алтай и ассоциации северных этносов Алтая, на 1 января 1997 года всего в пределах Республики Алтай проживает 2749 тубинцев... в смешанном происхождении северных алтайцев, обобщенно называемых тубаларами, по ряду признаков отчетливо выступают этнические элементы, связанные с кочевым скотоводческим бытом» [7].

С.Б. Сарбашевой совершенно справедливо подчеркивается, что «живые диалекты являются ценным источником истории языка и этноса, так как в них могут сохраниться архаические черты, свидетельствующие о древних этнических и лингвистических контактах» [7].

Итак, создается предпосылка рассмотрения лингвистических фактов, особенного лексического пласта, с точки зрения частоты их проявления в сравниваемых языках. Это будет следующим этапом работы вслед за выявлением общих мест в эпосах родственных народов.

В отличие от олонхо в алтайских сказаниях изображается более поздний период – эпоха разложения родового строя и зарождения раннефеодального общества, об этом свидетельствует возвышение ханов и его боевой дружины в эпосах, бесспорно также явное неравенство в отношениях внутри рода и др. А в якутских олонхо герой всегда главный человек, он – родоначальник и защитник племени, он же – культурный герой [4]. Поэтому жанр олонхо как героический эпос был И.В. Пуховым определен с учетом определяющих эпический стиль существенных элементов. Предполагается, что общие места в олонхо и алтайском эпосе могли формироваться в еще догосударственную эпоху этнической истории.

В алтайской фольклористике в последнее время творчеству Н. Улагашева уделяется пристальное внимание. В частности,

А.А. Конуновым под руководством В.М. Гацака выполнено научное исследование на тему «Стилевое варьирование в героических сказаниях Н. Улагашева (на фоне алтайской эпической традиции)» [5].

Из большого репертуара сказителя Н. Улагашева нами рассмотрены два сказания малого размера «Шокшыл-Мерген» и «Бойдон-Кёкшин», каждое приблизительно по одной тысяче строк. В отличие от больших алтайских эпосов малые сказания отличаются отсутствием параллельных сюжетных линий, некоторых элементов эпического зачина (например, изображения дерева тополь как в «Маадай-Кара») или целой группы персонажей (например, женщин-богатырей или эпических красавиц) и выраженной реалистичностью человеческих взаимоотношений. Несмотря на эти особенности, в малых эпосах сохранена поэтико-стилевая система героического эпоса, что дает достаточно материала для сравнительного изучения эпосов.

Сюжетно-композиционная сторона эпоса «Шокшыл-Мерген» Н.Улагашева обозначена одной основной линией, отличается динамикой развития событий, где сохранены все элементы сюжета: в экспозиции – беглое ознакомление с героями, завязка и занимательная цепь событий, кульминация, ожидаемая развязка.

*Алты-јети кадытту,
Ак-Сабар маатырлу,
Ак-сүмер тайгаалу,
Ак-сүттий талайлу,
Ак-Боро атка минген,
Ак-Каан журтан јатты.*

*Алта-сэттэ хотуннаах,
Ак-Сабар баатырдаах,
Үрүн төбө хайалаах,
Үрүн үүт далайдаах,
Ак-Боро аты мииннэр
Ак-Хаан олорбута.*

[8, с. 44]. – (пер.мой. – Г.М.)

Ак-Каан отправил своих семерых силачей-пастухов на охоту, велел им не возвращаться с пустыми руками. Те, приехав к островерхой белой горе, увидели ветвистый тополь. На одной из ветвей тополя жеребенок привязанный стоял, а рядом в берестяной зыбке лежал младенец.

*Мал јурбеген јерде
Кулун кайдан келди не?
Јон јуртабаган јерде
Бала кайдан чыкты ол?
Бистин андаарыс јок туру,
Каанга мыны јетирер, – дејип*

*Сүөһү үүрбэтэх сиргэ
Кулун хантан кэллэ дьэ?
Дьон олорботох сиригэр
Оҕо кимтэн төрөөтө ол?
Биһиги бултуо суохпут,
Хаанна мань этиэххэ, – дэһэн*

[8, с. 44] – (пер.мой. – Г.М.)

Семеро силачей повернули коней, и, приехав ко дворцу хана, доложили об увиденном. Хан не на шутку разгневался и велел им привести ребенка. Достигнув того места, они увиделись еще больше – жеребенок превратился в коня с горю, а ребенок стал богатырем Шокшыл-Мергеном. Далее рассказывается, как Ак-Каан решил погубить богатыря, и по совету злого Ак-Сабар богатыря обманом завлекает его и отправляет якобы за делом в смертельно опасный путь. Все три раза богатырь возвращается живым и невредимым, и под конец раскрывается коварство хана, его настигает возмездие:

Шокшыл-Мерген учы-учында
 Эр санаазын сананын келди,
 Эрди-тижин тиштенди,
 Тогуз Шулмусты туткан бойынча,
 Тенери түбине алып чыкты,
 Тогузан тайгаа ажыра чачты,
 Тогузан талай кечире ийди.
 Онон Ак-Каанды ала койоло,
 Ак-сүмер тайгаазына
 Айланып-келип арта сокты.
 Канын-жинин божотты.
 Ак-албатызын,
 Алты-jeti катын
 Төрт башка божодоло.
 Айылы жаар жанып ийди.

Шокшыл-Мерген ис-иһиттэн
 Эр санаатын сананан кэллэ,
 Алын уоһун хам ытырда,
 Тобус Шулмуһу тутан ылан,
 Халлаанна тийиэ өрө көтөхтө,
 Тобус уон хайа нөнүө бырахта,
 Тобус уон далай унуор ыытта.
 Онтон Ак-Хааны холбуу ылан,
 Үрүн төбө хайатыгар,
 Эргитэн аҕалан өрө сабаата.
 Хаанын-сиинин тохто.
 Аан албатыы норуотун,
 Алта-сэттэ хотунун
 Түөрт аны босхолоото.
 Бэйэтэ дьэиэтигэр барда.

[8, с. 44]. – (пер.мой. – Г.М.)

Так завершаются подвиги богатыря. В конце сказания прослеживается ярко выраженная идея справедливого возмездия. Как видим, в содержании малых сказаний найдется мало обще-

го с сюжетом олонхо, но типические места наглядно отражают родственные черты эпического стиля.

Типические места в эпосах «Шокшыл-Мерген», «Бойдон-Кёкшин» и олонхо «Хорула Боотур»

Типические места	Алтайский эпос	Олонхо
Зачин	Краткое ознакомление с местом действия и героями	Развернутое описание эпических миров, населения
Образ дерева	Краткое описание тополя, рядом с которым нашли зыбку с ребенком внутри	Описание эпического мира в «Хорула Боотур» занимает 238 строк [9]
Сообщение о родителях богатыря	Сүмер тайга адам болгон Сүт кол энем болгон [8, с. 59] <i>Острове́рхая гора – отец мой, молочное озеро – мать моя</i>	Айыы Сэлиэһэ тойон – аҕата, Аан Сайаана хотун – ийэтэ [9, с. 53]
Сила и бессмертие богатыря	Неуязвимость, бессмертие богатыря	Неуязвимость, бессмертие богатыря
Описание вооружения и коня героя	Канча јепселин кийеле, Ок-саадагын салынала, Болот үлдүзин илдирелэ, Темир-Боро адына Сенирткеш чилеп калып чыкты [8, с. 58] <i>Все доспехи надел Лук и стрелы прицепил Стальной меч нацепил На коня Темир-Боро, Как стрекоза, вскочил</i>	Өргөстөөх үнүүлэрин ыланнар... Биэс уон бууттаах Мэрилиир мээчиктэрин ыланнар... [9, с. 71] <i>С острым кончиком копье, С боевым мечом В пятьдесят пудов...</i> Орто дойду Оройунан ооньуур Улуу дуолана, Үс бүтэйи үрдүнэн көстөр Үт манан аттаах... [9, с. 31] <i>Срединного мира Великий исполин, Красующийся над Трехступенчатой изгородью Белая лошадь...</i> («Хорула Боотур» олонхо)
Стремительный отъезд и бег богатырского коня	Октон түрген јүрип ийди, Ол барып јатканына Туудын-суунын алдына Бос бороон түшти. Айдын-күннин алдына Кара туман кайнап түшти [8, с. 58,60], [8, с. 128]	Харалдыктан көппүт Хара улар курдук атыгар Хап гына олоро биэрдэ да, Кулгаабын тыаһа орулуос кус Кынатын тыаһын курдук Куһугуруу тустэ... [9, с. 43]

	<p><i>Быстрее стрелы полетел От его быстрой езды Под горами, над рекою Серый туман спустился. Под луной и солнцем Черные облака Заклубились</i></p>	<p><i>Вскочил на коня Подобно взлетающему с проталинки глухарю, и Захлопало в ушах, Словно от крыльев Птицы гоголя</i></p>
Течение времени и неустанная езда героя	<p>Түрген-түрген јелип ийди, Эр бойында үйде јок, Ат бойында сооду јок, Канча тайгаа ажып барды, Канча талай кечип јурди, Јол каборто өдө берди, Едер јери јууктап берди [8, с.]</p> <p><i>Все быстрее и быстрее рысью он ехал, Днем и ночью ехал он, сам без отдыха. Лошадь без устали гоня, Сколько гор перевалил, Сколько морей переехал, Полдороги уже про К месту поездки приближался.</i></p> <p>В других случаях сказитель использует эпическую формулу:</p> <p>Кыш полгонын јаказы кырудан бүлдү, Јай полгонын јарды изиген бүлдү... [5]</p> <p><i>Зима пришла – по инею на ворота узнавал, Лето пришло – по жару на спине узнавал</i></p>	<p>Биһиги киһибит Киэн-киэнник хардыылаан, Кэтит кэтиттик киэлилээн, Уһун-уһундук онгуллаан, Ыраах-ыраах чүөмчүлээн, Таннары түстэр түһэн Айаннаан истэҕэ [9, с. 51]</p> <p><i>Все быстрее и шире, Все длиннее и дальше, Все дольше и ниже Спускался на коне</i></p> <p>В других олонхо значение эпической формулы полностью совпадает с с алтайским вариантом:</p> <p>Төһө-хачча айаннаабытын билбэтэ, Сайыны самырынан, Күһүнү өксүөнүнэн, Кыһыны кырыатынан билэн...</p> <p><i>Сколько проехал – не знал, Лето узнавая по дождю Осень – по дождю вперемежку со снегом Зиму – по инею узнавая...</i></p>
Гнев богатыря	<p>Маны уккан Бойдон-Кёкшин Кылас эдип көзин көрди, Бөрү чылап кынгыланды. Тенери чилеп күзүрт этти, Темир чилеп кизирт этти, Мынайда болзо кыйгырды [9, с. 142]</p> <p><i>Как услышал об этом Бойдон-Кёкшин, Глазами сверкнул, Взвыл, как волк, Загремел, как гром, Загромыхал, как железо, и так закричал</i></p>	<p>Мүлүрүйбэт өргөстөөх Мүлдү Бөҕө Киил мас курдук Киирэр хаана киирэн Кэтэҕэ кэдири татта, Чоруун мас курдук Төбөтүн чоноччу тутунна, Харсаах мас курдук Ханаччы таттарда, Сүүһүн хаана Сүүрэли оонньоон Сулус утунан умайан Наахара хаананна, Наахатта дьүһүннэннэ [9, с. 65]</p> <p><i>Непобедимый Мюлджю Беге Подобно дереву, Прележавшему в воде, Потемнел от гнева, Кровь закипела, Голову назад откинуло, Оттянуло, словно дерево, Скрученное на ветру, Взыграла кровь на лбу Звездой воинственной</i></p>
Появление противника, реакция природы	<p>Эки коноктун бажында Туудын-суунун бажына Бос бороон түшти. Айдын-күннин алдына Кара туман кайнап түшти [8, с. 58] Тизирт эмес тизирт болды Күлүрт эмес күлүрт болды [8, с. 48]</p>	<p>Тыйыс тыал салгыйда, Сирилэс силлиэ Сэтэрэн барда, Хаҕыс хахсаат Хахайды хаһыярда, Добун-дохсун Холорук түстэ, Улуу буурба Улуйа оонньоото [9, с. 44]</p>

	<i>Через два дня Вершины гор, верховья рек Серый туман закрыл, И под луной и солнцем Черный туман забурлил. Был топот сильнее топота, Был гул сильнее гула...</i>	<i>Ветром суровым подуло, Вьюгой сильной замело, Львом свирепым зарычало, Столбом высоким закрутило, Завертело, завыло</i>
Описание богатырского поединка, последствия борьбы богатырей для мира	<i>Эки сыгын эки булуттый Эмди келип табарышды. Мүүстери табарыжарда, От-албыш онон чыкты. Тенери түби күзүрт калды, Тенери улусты чочытты, Алтай үсти күлүрт калды, Алты ороонго айылды [8, с. 66].</i> <i>Два марала, как два облака, Теперь встретились, Когда они стукнулись рогами, Огонь-пламя оттуда выскочило, Небо все задрожало, Жители неба испугались, Весь Алтай загремел, До жителей подземного царства шум дошел</i>	<i>Иниирдэрин тыаһа, Харса сылдьар Атыыр оубустар Муостарын тыаһын курдук, Лачыгыраһа түстүлэр; Эһэ кыыллыы Эһиэлэһэн бардылар, Хахай кыыллыы Харбаһан бардылар, Баабыр кыыллыы Бырахсан бардылар [9, с. 37]</i> <i>Треск их сухожилий, Как от встречных ударов рогов Двух быков-порозов, Бодающихся, Затрещал вокруг; Как медведи, Кинулись друг на друга, Словно львы, Схватились друг с другом, Как тигры, Подбрасывали друг друга</i>
Помощь коня, чудесное превращение коня и богатыря	В земли девяти Шулмусов никто не входил, – советует говорящая лошадь, – я превращусь в змею, а ты, мухой пролетев, садись у дымохода и смотри, как только старуха выйдет, хватай шапку и прочь [8, с. 87].	В олонхо богатырский конь – верный помощник, разговаривает человеческим языком, наперед знает исход поединка [9].
Борьба с чудовищами	Марал, девять Шулмусов [8]	Абаасы [9].

Итак, 12 найденных соответствий – это далеко не полный перечень общих мест, если принять во внимание, что проанализированы только два малых эпоса Н. Улагашева. Типические места, характерные для эпического повествования, разнообразны и обнаруживаются, как в олонхо, так и в алтайском эпосе: зачин, одиночество богатыря, его могучая сила и неуязвимость, описание вооружения героя и коня, помощь коня, человеческая речь коня, описание быстрой езды богатыря и течение эпического времени, борьба с чудовищами, реакция природы на появление персонажей и др.

Вместе с тем в алтайском эпосе есть типические места, которые отсутствуют в олонхо:

1. Герой играет на музыкальных инструментах и поет в пути.
2. Описание пира, где богатырь напивается, и этим воспользуется злой хан.
3. В эпосе «Шокшыл-Мерген» нет признаков скотоводства.
4. Нет женских образов, есть только

упоминание о том, что у хана шесть-семь жен, привезенных не по своей воле.

5. В олонхо социальное неравенство ярко не выражено. Старуха-коровница Симэхсин и Юноша-Посыльный не являются представителями социальных групп, а единичные персонажи.

6. В рассмотренных текстах алтайских эпосов нет персонифицированного образа бога-небожителя, также нет духов-покровителей людей.

Таким образом, в разных типах алтайского эпоса и олонхо прослеживается значительная степень соответствия общих мест, что свидетельствует о генетической связи эпических традиций у алтайцев и якутов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баскаков Н.А. Диалекты черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. - М., 1965 г.
2. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XI. Вып.2. - М.: 1952. - С. 121-134.

3. Гаджиева Н.З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов / Теоретические основы классификации языков мира. - М., 1980. - С.100-126.

4. Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. - М.: Наука, Сибирск. издат. фирма РАН, 1983. - 246 с.

5. Конунов А.А. Стилевое варьирование в героических сказаниях Н.Улагашева (на фоне алтайской эпической традиции). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика. М., 2008.

6. Пухов И.В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. - Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. фил., 2004. - 328 с.

7. Сарбашева С.Б. Вокализм и консонантизм туба-диалекта алтайского языка.: автореф. на соиск. уч. степ. к.ф.н. - Казань: Казгу, 2002.

8. Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания. Тексты и переводы. - АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», Горно-Алтайск, 2011. - 580 с.

9. Хорула Боотур. Текст олонхо В.И. Иванова-Чиллэ. - Якутск: Изд.дом СВФУ, 2012.